

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

•Добра гоцю братья и Русьскій Земли. •
Владиміръ Мономахъ.

1861, 2

ФЕВРАЛЬ



ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

ОТВѢТЪ

НА ВЫХОДКИ ГАЗЕТЫ (КРАКОВСКОЙ) »CZAS« И ЖУРНАЛА »REVUE CONTEMPORAINE«.

Посунься, Ляхе,—най Русинь сяде.

Галицкая пословица.

»На-віщо ви, Ляхи, принесли намъ сі цдцькї?... Майте ви собі свою Польщу, а нїмь Україна нехай зостається.«

Слова, сказанныя польскому послу, Киселю, на радѣ у Богдана Хмельницкаго.

Едва только мы успѣли написать (въ последнемъ № «Современника» прошлаго года) опроверженіе на статью г. Падаллицы, какъ случайно попавшіеся намъ въ руки — 256 № 1860 г. газеты »Czas (Время)« и 210 № (31 декабря) »Revue Contemporaine« — вызываютъ насъ вновь на полемику противъ анти-историческихъ польскихъ взглядовъ на Русь.

Въ 256 № Czas'a извѣщается о выходѣ въ свѣтъ книги La Russie Rouge, гдѣ, какъ выражается означенная газета, высказаны домогательства на присоединеніе Червоной Руси къ Россіи на томъ основаніи, что это земля Русская и Славянская. Мы не знаемъ »La Russie Rouge«, да намъ до нея и дѣла нѣтъ; тѣ же, кто знакомъ съ этой книгой, сколько намъ извѣстно, отзываются о ней вовсе неодобрительно. Но газета Czas касается вопроса, по поводу котораго мы считаемъ умѣтнымъ сдѣлать замѣчаніе. Она объясняетъ намъ, что »Русскіе не знаютъ, что такое Русь; что Русь не есть Россія, а Польша, и что Россія — страна не Славянская, а Русскіе сами не знаютъ, что она такое.« Выписываемъ слово-въ-слово эти выраженія подписчика, потому что въ точности пересказаннаго нами въ переводѣ могутъ усомниться, по крайней нелѣпости приведенной фразы: »autor zapomina, że Ruś nie jest Rosya, — że jest Polska, i że Rosya nie jest Słowianska, — nie wiedzą czém są i czém jest Ruś.« Такого рода мнѣнія совѣтно опровергать, но нельзя оставаться безмолвнымъ, когда они высказываются — умышленно, или

по невѣжеству — устами многихъ польскихъ патриотовъ вслухъ всей Европы.

Можно согласиться, что *Русь* была *Польшей*, если принимать последнее имя въ государственномъ смыслѣ и опираться на то, что Русь принадлежала нѣкогда Польшѣ, — также точно какъ и Польшу можно, на томъ же основаніи, назвать Россіей. Но кромѣ государственной связи есть связь внутренняя, народная: она только и можетъ служить ручательствомъ прочности государственныхъ сложений. Русь Червоная, въ народномъ смыслѣ, есть *Русь*, слѣдовательно — и Россія. Названіе: Русь — не мѣстное, а общее для всей суммы Земель Восточныхъ Славянъ, въ глубокой древности сознавшихъ свое взаимное сродство и образовавшихъ удѣльную федерацію. Сначала имя Руси давалось Землѣ Полянъ (Землѣ Кіевской), гдѣ зародилось зерно этой связи, а потомъ оно перешло на всѣ Земли, вошедшія въ эту связь. Русь Червоная была Земля Русская, — точно такая же, какъ и Рязань и Великій Новгородъ и Псковъ и Тверь и Полоцкъ, — всѣ онѣ были связаны одинаково сознаниемъ единства, вѣрою, книжнымъ языкомъ, сходными основами общественного устройства и институціею единого правительственнаго рода. Печальныя вѣдшія событія не дали этому складу Русскихъ Земель развиваться въ строгой гармоніи федеративнаго начала. Вѣдшіе признаки ихъ связи порвались; внутренне — остались до-сихъ-поръ неизмѣнны.

Недавно получены были у насъ изъ Червоной Руси стихи, написанные по-польски, подъ названіемъ: »*Niema Rusi. Odpowiedź na plakaty Polaków w Uniwersytecie we Lwowie 1860.*« (Нить Руси. Отвѣтъ на памфлеты Поляковъ, выставляемые въ Львовскомъ университетѣ.)

Вотъ точный переводъ этого стихотворенія (1):

»Удивительно, зачѣмъ ты такъ пламенно желаешь обратить къ Польшѣ неподатливую Русь! Зачѣмъ прилагать объ этой Руси такое стараніе, зачѣмъ и себя и ее тревожить памфлетами? Вѣдь *Руси нить* въ ея

(1) Проводимъ его и въ подлинникѣ:

NIEMA RUSI!

Odpowiedź na plakaty Polaków w Uniwersytecie we Lwowie 1860 г.

Dziwi mię, dla czego pragniesz tak gorąco
Do Polski nawrócić Ruś protestującą;
Po co tyle starań dla tej Rusi łożyć,
Po co plakatami siebie i ją trwożyć?

древней столицѣ... развѣ только какихъ-нибудь триста Русляновъ въ университетѣ!

»Нѣтъ, нѣтъ Руся!... а между тѣмъ совѣсть пугается при одномъ о ней напоминаніи! вѣрно, Ляхъ, какіе-то непріятныя сновидѣнія, темныя призракы беспокоятъ, по цѣлымъ ночамъ, твое *толерантное* воображеніе. Не тревожься, братъ, — Руся нѣтъ: твой великій Казимиръ заключилъ ее въ гробѣ, привалилъ камнемъ и самъ съѣлъ на ея могилѣ; себя взялъ ея жизнь, тебѣ завѣщалъ ея гробницу!

»Говорятъ, послѣ оныхъ временъ Казимира, *мавь* (1) Руся долго скиталась по лѣсамъ и цѣлые вѣка стонала въ безлюдныхъ пустыняхъ, а потомъ снова оживла на мгновеніе — въ Козакахъ...

»Говорятъ, что въ Варшавѣ побѣдили сенаторы, когда этихъ русскихъ упырей привели въ оковахъ; но — написали *Любелскую Унію*, и доколотили ею лежавшее въ гробѣ крѣпкое тѣло Руся; а послѣ того ужъ было нетрудно, въ глазахъ сейма — сжечь ушыря-Павлюка (2) въ мѣдномъ волѣ.

Wszakże »Rusi niéma« w dawnej jej stolicy, —
Chyba tych Rutenów trzysta na wszechnicy!

»Niéma Rusi, niéma!« a przecież sumienie
Lęka się na samo o niej przypomnienie!
Snać widzenia miewasz jakieś nieprzyjemne,
Snać spotykasz we śnie jakieś mary ciemne,
Co po całych nocach niepokoją, straszą
Twoję wyobraźnię tolerancją, laszą.

Nie trwóż się, mój bracie, — wszakże Rusi niéma:
Wielki twój Kazimierz w grobie Ruś tę trzyma,
Głazem ją przywalił, przysiadł na jej grobie,
Sobie wziął jej życie, — grób zapisał tobie!...

Mówią, że po owych Kazimierza czasach
Długo upiór Rusi tułał się po lasach,
Całe wieki stękał po odludnych szlakach,
Aż tam znowu odżył na chwilę — w Kozakach....

(1) Слово — *upior* — бродящій (живой) мертвецъ, — мы переводимъ древне-славянскимъ словомъ: *мавь*, (существовавшимъ и въ южно-русскомъ языкѣ). Оно значило именно мертвеца, выходящаго изъ могилы (см. у Іоанна, Экзарха Болгарскаго).

(2) По народной пѣснѣ — не Павлюка, а Налывайка. Фактъ, не подтверждаемый историческими доказательствами.

»Говорять, что вслѣдъ за тѣмъ, гдѣ-то на берегахъ Днѣпра, русскіе упыри снова стали строями; подобно нездоровому вѣтру понеслись полки ихъ, съ крестомъ схизмы въ рукахъ, на бой подъ Зборовъ; были виданы толпы ихъ и подъ Збаражемъ... но — изгладимъ изъ памяти такія событія.

»Говорять, что послѣ того эти привидѣнія исчезли, но съ ними отпала отъ Польши и часть ея тѣла. Съ тѣхъ поръ стали пугаться тѣни Руси и имени ея не вспоминали на сеймахъ, а только по временамъ, какъ бы мимоходомъ, что-то говорили съ народомъ — о Гайдамакахъ....

»Эти времена миновались! И не для чего бы ихъ вспоминать... еслібъ не черезъ Русь-то и Польшу разорвали. За оскорбленіе Руси, отъ смерти Богдана все растревляется рана Польши; — — — —

»А теперь, говорятъ, въ поздніе вечера навъ Польши сходится съ навью Руси: первая — въ кунтушѣ и съ саблей при боку, другая — въ сѣрмягѣ, и со слезами на глазахъ. Первая и по смерти сохраняетъ гордый видъ, — равенство и братство гласитъ предъ Европой, а потихоньку говорить Русину: »Назадъ, хамъ! будь Полякомъ: не то — я дамъ тебѣ почув-

Mówią, że w Warszawie senatory zbledli,
Gdy ruskich upiorów w łańcuchach przywiedli;
Ależ napisano uniję Lubelską,
Nią dobito w grobie twarde Rusi cielsko,
Więc pod okiem sejmu już wcale nie sztuka
Spiec w miedzianym wole upiora-Pawluka....

Mówią, że potemu gdzieś na Dniepru brzegach,
Znow ruskie upiory stanęły w szeregach;
Z krzyżem szymy w ręku — powietrzem niezdrowem
Niosły się ich pułki na bój pod Zborowem;
Widziano ich tłumy nawet pod Zbarazem, —
Ale takie dzieje z pamięci wymażem.

Mówią, że już potem zczczyły te widziadła,
Lecz z niemi od Polski część ciała odpadła!
Od tych lat już Rusi lękano się cienia,
I nie wspomiano w sejmie jój imienia,
A tylko czasami, jakby mimochodem,
Coś o Hajdamakach mówiono z narodem....

Minęły te czasy, — wspomnać by nie warto,
Gdyby nie przez Rus-to i Polskę rozdarto!
Wszak za krzywdy Rusi — od śmierci Bohdana

ствовать свою руку!« а Русскій ушырь, этотъ въковой слуга, прикидывается Ляхомъ и голову склоняеть, но мысленно — какъ обыкновенно рабъ въ испугѣ — шепчетъ самъ себѣ: *brate, nie wirъ Lяху!*

»Такъ-то, любезный товарищъ! вотъ тебѣ маленькое изображение этихъ двухъ мертвецовъ, что тебѣ спать не дали. Братъ, посмотри на это изображение, — оно не для шутки написано; взгляди добросовѣстно въ страницы польской исторіи и, можетъ быть, ты наконецъ поймешь что памфлеты не воскресятъ уже той Польши, которая нѣкогда, на развалинахъ Руси, воздвиглась изъ ничтожества и возрасла и оперилась отъ русскихъ костей и русской крови....

»Итъ уже той Руси... только въ сельскихъ хатахъ бродятъ живые мертвецы въ изорвавшихся одеждахъ. Оставь же ихъ въ селахъ, среди нужды и голода, и никогда не позволяй имъ входить въ старый городъ, гдѣ нѣкогда властвовалъ князь Левъ, говорившій *по-русски* со своимъ народомъ. Опасно вводить нахальныхъ бродягъ въ катакомбы Руси и допускать ихъ къ славнымъ памятникамъ: можетъ статься, что посреди катакомбы

Jątrzy się i jątrzy ciężka Polski rana....

— — — — —
 Owoż dzisiaj prawią, że późnym wieczorem
 Upior Polski z Rusi schodzi się upiorem:
 Ów pierwszy w kontuszu i z szablą u boku,
 Ów drugi w siermiędze i ze łzami w oku.
 Pierwszy — choć za grobem — dumne czoło nosi,
 Równość i braterstwo przed Europą głosi,
 Ale Rusinowi mówi: »Wara, chamie!
 Bądź Polakiem, — albo dam poczuć me ramię!«
 A zaś ruski upior — służalec wiekowy —
 Staje niby Lachem, i nachyla głowy;
 Ale zeicha — zwykle jak sługa w przestrichu —
 Szepcze w duchu k' sobie: »Brate, nie wir Lachu!«

Tak, dobry kolego! Masz obrazek mały,
 Zdjęty z tych upiorów, co ci spać nie dały.
 Bracie, pojrzyj w obraz, kreślony nie w żarty,
 I wglądnij sumiennie w polskich dziejów karty,
 A może nakoniec poznasz, że plakaty
 Już nie wskrzeszą Polski onej, co przed laty
 Na ruinach Rusi dzwignęła się z nicości,
 I wyrosła w pierze z ruskiej krwi i kości....

раздастся русскій голось, какъ звукъ той трубы, которая воскрешаетъ умершихъ, будитъ ихъ къ жизни и обращаетъ трупы въ живыхъ Русскихъ людей.

»Но теперъ — нѣтъ Руси! И даже имя ея страны не осталось между чужими названіями; польскіе мудрецы пишутъ, что Львовъ, Подоль, Во-лынъ, Украина — что все это — Польша!

»И такъ, нѣтъ Руси; нѣтъ ея въ головѣ польскихъ журналистовъ, и въ ополченномъ Львовѣ... нѣтъ и Русскаго языка, ибо даже его буквы графъ Голуховскій замѣняетъ польскими.

»Нѣтъ Руси, нѣтъ! Вычеркните ее изъ книгъ... хоть и есть Русскихъ хлопковъ миллионъ съ пятнадцать... Нѣтъ Руси, нѣтъ! хоть есть и долженъ быть вѣчный протестъ Руси противъ Польской власти!»

Dziś tej Rusi niema, — tylko w wiejskich chatach
 Włóczą się upiory jej w podartych szatach;
 Zostaw ich na siołach, pośród nędzy, głodu,
 Nie dopuść, by weszły kiedy i do grodu —
 Do starego grodu, w którym niegdyś władał
 Książę Lew, co z ludem swym *po rusku* gadał...
 Niebezpiecznie wwozić włóczęgów natrętnych
 W katakomby Rusi do pamiątek świętych;
 BOWIEM stać się może, że śród katakomby
 Ozwie się głos ruski, jak dźwięk onej trąby
 Co umarłych wskrzesza, i do życia budzi,
 I przemieni trupów w żywych ruskich ludzi...!

Lecz dziś Rusi niema! i nawet jej Ziemi
 Imię nie zostało pomiędzy obcemi;
 Polskie mędracy piszą: »Lwów, Ziemia Podolska,
 Wołyń, Ukraina — że to wszystko — Polska!..

A więc niema Rusi, bo jęj niema w głowie
 Dziennikarzy polskich, ni w spolszczonym Lwowie!
 Niema ruskiej mowy, — bo nawet jęj zgłoski
 Zamienia polskiemu hrabia Gołuchowski!..

Niema Rusi, niema! — z książek ją wymażcie, —
 Choć jest ruskich chłopów milionów piętnastciel!
 Niema Rusi, niema! — choć jest i być musi
 Przeciw rządóm Polski wieczny protest Rusi!...

Повторяемъ, намъ нѣтъ дѣла до политическихъ стремленій; но это стихотвореніе, присланное къ намъ съ просьбою—*«напечатать его, — за что будутъ благодарны 3 милліона Русиновъ»*, довольно ясно показываетъ, что этнографическое и историческое сознаніе единства Червоно-русской Земли съ остальною Русью не исчезло и до настоящаго времени, не смотря на всѣ иноземныя усилія.

Авторъ говоритъ, что *они* (кто это? Великоруссы?) сами не знаютъ, что такое Русь и что они такое; утверждаетъ даже, что Россія — не славянская страна; но не приводитъ никакихъ доказательствъ. Мы однако догадываемся, по прежнимъ теоріямъ, что это значить. Не разъ думали унижить Великоруссовъ, провозвѣщая, что они — не Славяне, а Финны. Еслибъ это была и правда, то развѣ есть въ этомъ что-либо унижительное? Нелѣпо и нечеловѣчно отзываться съ презрѣніемъ о какомъ бы то ни было племени. Для Великоруссовъ не составляло бы ни малѣйшаго стыда быть Финнами, Татарами, хоть Казмыками, еслибъ они дѣйствительно ими были, и вопросъ можетъ разсматриваться безъ всякой примѣси донкихотовской національной гордости.

Великоруссы — не Финны, а Славяне, потому что не знаютъ Финскихъ нарѣчій, а говорятъ Славянскимъ. Правда, крови финской много вошло въ великорусскую, но она ассимилировалась славянскою. Подмѣсь финскаго племени не осталась безъ нѣкотораго вліянія на матеріальный и интеллектуальный строй великорусскаго народа, но господство осталось за Славянскою стихіею. Мы не можемъ назвать Славянами Меклембургцевъ на томъ лишь основаніи, что ихъ предки нѣкогда были Славяне, — хотя славянское происхожденіе Меклембургцевъ видно и въ ихъ перерожденномъ видѣ: тѣмъ не менѣе какъ ни разсуждай, а все-таки они останутся нѣмцами. Такъ же точно мы не считаемъ русскими тѣхъ фамплій, которыя давно уже ополячились. Забытое происхожденіе ничего не значить, и можетъ составить сущность только археологическихъ разсужденій.

Притомъ же, финскаго элемента вошло въ великорусскую народность не столько, чтобъ даже физіологически можно было назвать Великоруссовъ болѣе Финнами, чѣмъ Славянами, — вошло несравненно менѣе, чѣмъ славянскаго элемента въ нѣмецкомъ племени нынѣшней прибалтійской Пѣмеччины. Уже въ IX вѣкѣ широкиі бассейны Оки были заселены Славянскимъ племенемъ Вятичей, которые, по своимъ преданіямъ, вели происхожденіе отъ Ляховъ. Вятичи, безъ сомнѣнія, и составляютъ зерно Великорусской народности. На сѣверѣ, въ незапамятное время, поселилась

вѣтвь южнорусскаго племени, — часть Русиповъ, какъ показываетъ ея нарѣчіе, — вѣтвь, образовавшая Землю Новгородскую. Восточная Россія, страна Суздальско-Ростовская и Бѣлозерская, также въ глубокой древности, приняла въ себя Славянскій элементъ; даже во время призванія Прусско-варяжскихъ князей подъ именемъ Веси и Мери, по вѣтвѣмъ вѣроятіямъ, надобно разумѣть Славянъ, поселившихся въ этомъ краю и усвоившихъ ему древнія этнографическія и географическія названія: самыя имена — Ростовъ и Бѣло-Озеро достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Вскорѣ затѣмъ мы уже видимъ въ этой странѣ одну Славянскую народность, такъ-что финскія племена, давшія, въ доисторическое время, названія мѣстностямъ, сохранившимъ ихъ и до сихъ поръ, — уступая наплыву славянскаго племени, отодвигались далѣе къ востоку и юго-востоку. Съ одной стороны, племя Вятичей, слѣдуя въ своемъ расселеніи отъ запада къ востоку, занимало эти страны, съ другой — туда двигались, съ сѣвера, Новгородскіе переселенцы. Только послѣднимъ и объясняется фактъ, почему около Бѣлаго-Озера нарѣчіе — Новгородское, тогда какъ самая страна не составляла Новгородскихъ владѣній. Этимъ объясняется также извѣстіе, сохраненное въ житіи святаго Всеволода-Гавриила, — отчего даже въ XII вѣкѣ прорывался у Новгородцевъ взглядъ на Ростовскую землю, какъ на свою принадлежность. Наконецъ Славянскій элементъ въ этихъ краяхъ водворялся, подвигаясь съ юга, особенно въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка, когда бури, волновавшія южный край, заставляли народъ и южную его цивилизацію искать убѣжища въ болѣе спокойной странѣ. Такимъ образомъ составила Великорусская народность, народность самая поздняя, но ясно показывающая въ себѣ перевѣсъ славянскихъ началъ. Финскія племена ассимилировались только отчасти; гораздо въ болѣе большихъ массахъ они подвигались далѣе и убѣгали отъ поглощающей славянскои стихіи. Подобные факты совершались и на нашихъ глазахъ: Мордва подвинулась, въ началѣ XVIII вѣка, въ Саратовскую губернію изъ Пензенской, гдѣ тѣснило ее распространенное русское народонаселеніе. Печальная правда, а дѣтъ ее негдѣ: Восточно-тюрко-финскія племена въ Россіи очень часто, подобно аборигенамъ Америки, столько же вымирали и исчезали, сколько ассимилировались, но и тамъ, гдѣ ихъ столкновение со славянскою стихіей повлекло за собою болѣе мпрное слитіе, они слишкомъ мало внесли изъ старой жизни въ новую, такъ мало, что въ краяхъ Пензенскомъ, Тамбовскомъ, Нижегородскомъ, гдѣ произошло наибольшее ассимилированіе — въ языкѣ, нравахъ, обычаяхъ мало такого, что бы напоминало древнее мноплеменное происхожденіе,

въ сравненіи съ признаками Славянской народности. По всѣмъ этимъ даннымъ, мы не можемъ назвать Великоруссовъ, даже съ филологической стороны, не-Славянами; а о духовной сторонѣ и говорить нечего. Мы знаемъ важныя народныя особенности отъ другихъ Славянъ въ характерѣ, склонностяхъ, понятіяхъ и образѣ жизни Великоруссовъ, но эти особенности возникли и образовались болѣе отъ географическихъ и историческихъ причинъ, а вовсе не отъ вліянія уральскаго племени. Всего лучше на это могутъ указать особенности, отличающія Великоруссовъ отъ другихъ Славянъ: онѣ состоятъ вовсе не въ тѣхъ чертахъ, какія мы находимъ въ тюрко-финскомъ племени. Предпримчивость, склонность къ практической дѣятельности, скудость фантазій, удобоподвижность—вовсе не качества Мордвы, Черемисовъ, Чувашей и вообще тюрко-финскихъ и всѣхъ финскихъ племенъ. Съ этимъ согласится всякій, кто только видѣлъ и наблюдалъ ихъ.

Рецензентъ Сзас'а говоритъ: »исторія лучше означила, что нужно для народонаселенія между Одеромъ, Двиною и Днѣпромъ. Народонаселеніе это, соединенное равенствомъ правъ, не нарушающихъ никакой сущности (?), и свободой, которая есть душа ушляхетненія (uszlachetnienia), могло бы создать прекрасное и ядрѣное (jadręne) тѣло, которое бы отодвинуло Россію къ XVI вѣку.«

Если бы здѣсь не ссылались на исторію, то, отнеся всю эту тираду къ категоріи политическихъ мечтаній, мы бы ея и не коснулись. Но авторъ говоритъ: »исторія такъ означила«. А чѣмъ же она означила (спросимъ у г. автора)? Тѣмъ ли, что эти страны принадлежали нѣкогда Польшѣ, или соединены были съ Польшею? Но противъ этого достаточно указать на то, что страны на правой сторонѣ Двины и Днѣпра послѣ того соединены съ Россіею: вѣдь это тоже исторія. Слѣдовательно, когда одна часть исторіи говоритъ такъ, а другая, позднѣйшая, иначе: то можно ли что-нибудь строить на такомъ противорѣчій? Авторъ вправѣ былъ бы сказать: »исторія такъ означила« только въ томъ случаѣ, еслибы исторія указывала на какое либо внутреннее народное средство, на взаимную симпатію народовъ и на очевидныя потребности края, отъ удовлетворенія которыхъ зависитъ его счастье. Но исторія намъ показываетъ, что польскій элементъ въ этомъ краѣ высказался въ качествѣ господственнаго, порабощающаго, первенствующаго между туземными народностями, которыя были осуждены прозябать въ тѣсной сферѣ сельскаго рабства. А какъ выразилась симпатія русскаго народа къ Польшѣ, всего лучше объясняется кровавою исторіей XVII вѣка, когда этотъ порабощенный и за-

битый русский элемент показатъ признаки самобытной жизни. Что касается, наконецъ, до благосостоянія края, то доведенное до скотоподобія положеніе простаго народа, заключеннаго панами, католиками и жидами, въ такомъ видѣ существовавшаго подъ цивилизующей опекой польской, не доказываетъ, чтобъ исторія съ этой стороны что-нибудь сказала рецензенту въ пользу его »прекраснаго ядрѣнаго тѣла.« — Последняя фраза Сзас'а непонятна: неужели рецензентъ желаетъ поставить Россію въ то политическое и нравственное положеніе, въ какомъ она находилась въ XVI-мъ вѣкѣ? Мы желаемъ просвѣщенія и благополучія и Калмыкамъ и Бурятамъ и Юкагирамъ: отрадно было бы, еслибъ и они вступили въ жизнь общей цивилизаціи, согласно потребностямъ XIX, а не XVI вѣка. Желать движенія назадъ какому бы то ня было народу можетъ только узкій, слѣпой, хотя бы и національный, эгоизмъ, чуждый истинному просвѣщенію, и тѣмъ болѣе неспособный устроить счастье другихъ народовъ.

Обратимся къ *Revue Contemporaine*. Г. Paul de Saint-Vincent написалъ статью »La Poésie Oukraïnienne.« Довольно намъ случалось читать неглѣпыхъ и фальшивыхъ взглядовъ на нашу народность и на нашу исторію, но это сочиненіе, можно сказать — chef-d'œuvre въ подобномъ родѣ. Неизвѣстно, вычиталъ ли гдѣ г. Saint-Vincentъ всю дичь, которую написалъ, или самъ составилъ ее, повѣривъ чьимъ-нибудь словамъ, — но съ незнаніемъ исторіи здѣсь сочтается самымъ нахальнымъ образомъ умышленное извращеніе правды для надувательства европейской публики. Вотъ примѣры: г. Saint-Vincent, безъ зазрѣнія совѣсти, утверждаетъ, что обитатели Украины и другихъ южно-русскихъ мѣстностей — одной вѣтви съ Поляками, разумѣя не то единство племеннаго происхожденія, въ которомъ никогда мы и не сомнѣвались, а совершенное, полное тождество народности, такъ-что кто не знаетъ нашихъ взаимныхъ этнографическихъ отношеній, тотъ можетъ подумать, что жители Варшавы и Кіева также между собою тождественны, какъ жители Москвы и Серпухова. »Нашествіе Варяговъ, а потомъ нашествіе Татаръ (объясняетъ Mr. Saint-Vincent) разорвало ихъ между собою, но въ XIV вѣкѣ совершилось соединеніе — безъ борьбы, безъ потрясеній, безъ войнъ. Между тѣмъ, еще въ концѣ XII вѣка, одна вѣтвь княжескаго варяжскаго рода, властвовавшая надъ Русью до присоединенія ея къ Польшѣ, основала на востокѣ монархію, извѣстную подъ именемъ Московіи. Московитяне — народъ племени Уральскаго (1), а не Славянскаго, а потому не

(1) Dans un pamphlet russe récemment publié sous le titre de *la Russie Rouge*, par un étrange oubli de toute science historique, on s'efforce de

имѣютъ ничего общаго съ Русскимъ и совершенно отличны отъ послѣдняго и по происхожденію, и по нравамъ, и по обычаямъ, и по преданіямъ. и наконецъ — по религіи, вопреки тѣмъ, которые хотять ложно доказывать религиозное ихъ единство. Русскій народъ, въ Украинѣ и Южной Руси вообще, всегда стремился къ уніи съ католическою вѣрою и признавалъ первенство папы; напротивъ, Московитяне, какъ народъ азіатскій, упорно отвергалъ всякое примиреніе съ Римомъ. Московскіе государи насильственно и несправедливо присвоили своему народу названіе Русскаго и навязали ему это названіе произвольно. Это сдѣлала (по г. Saint-Vincent'y) императрица Екатерина II. Она понудила ученыхъ принять свои выдумки на счетъ происхожденія Московитянъ; такимъ образомъ, Московитяне начали называться Русскими, и съ тѣхъ поръ, въ угодность правительству, стали отвергать свое прежнее имя и замѣнили его чужимъ.*

Авторъ очень мило сожалеетъ о потерѣ такого славнаго древняго народнаго названія, которое равнымъ образомъ представляло и почтенную старину и содержало въ себѣ зародышъ прогресса и развитія въ будущемъ⁽¹⁾, и какъ будто хочеть убѣдить—перестать называться русскими, и называться Московитянами. Читая статью *Revue Contemporaine*, можно подумать, что Великоруссы—народъ уральскаго племени, — даже говорить языкомъ не славянскаго корня...

Нельзя допустить, чтобы подобныя негѣпости могли произойти отъ невѣжества, потому что изъ всѣхъ мѣстъ, приводимыхъ здѣсь, видно, что

confondre dans une même origine *Slave* les Russo—Moscovites avec les Polonais. Les uns sont de race *Ouralienne*, les autres— de race *Arienne*. Il y a juste la même différence entre les Russo-Moscovites et les Polonais qu'entre les Arabes et les Français (R. C. 31 décembre 1860)!!

(1) Quant au grand peuple moscovite, qui gouvernait la célèbre souveraine, il ne paraît pas avoir fait obstacle à ce changement de nom et répudier volontiers le sien pour plaire à la czarine. Cathérine... contraignit même quelques savants opiniâtres à adopter ses idées sur l'origine des Moscovites. Dès lors on commença à repousser, et on repousse encore aujourd'hui, le nom de Moscovite dans un pays où ce nom exprime seul une grande nationalité, représente un passé respectable et constitue pour l'avenir un germe de progrès et de développement. On répudie un nom générique s'appliquant à une population homogène de 30 à 40 millions d'âmes, un nom illustré par ses luttes gigantesques contre les Tartares, par des héros, tels que Dimitr Wasilewitch (?) dans la guerre de l'indépendance, par des Minines, des Pozarskis, et enfin de nos jours, en 1812, par des traits d'héroïsme et d'abnégation que le font l'égal des plus fameux; on le répudie pour le remplacer par le mot *Russe*... (Ibid).

авторъ знакомъ со славянскою рѣчью. Мы выше высказали наше мнѣніе объ *урализмѣ* великоруссовъ. Выдумка — считать ихъ народомъ не славянскаго корня — возникла въ заграничной польской литературѣ лишь въ недавнее время; въ старину въ Польшѣ, не сомнѣвались въ единоземности Московитянъ съ Поляками и происхожденіи тѣхъ и другихъ отъ одного славянскаго корня. По крайней мѣрѣ, польскій писатель Коховскій, подъ 1638 годомъ, говоря объ универсалѣ короля Яна Казимира на собраніе сейма, гдѣ предстояло разсуждать о соединеніи Польши съ Московіею, выражается: *in quibus (Comitiis) cum eodem principe ac vicina Moschorum natione ex uno eodemque sanguine et originis Slavonici fonte nobiscum de procedente religione, idiomate, moribus, vix in paucis difformibus, in confusionem invidorum universo Slavonico nomini vicinorum perpetua rax, conjunctio ac firmum unionis foedus coalesceret instituereturque* (Ann. Pol. 11, 293). Изъ этихъ словъ не заключить ли, что понятія объ этнографіи и древностяхъ славянскихъ народовъ, были гораздо правильнѣе въ XVII вѣкѣ, чѣмъ теперь? При всѣхъ распряхъ и войнахъ не дохдили до такихъ дикостей, до какихъ доходятъ въ наше время!

Странно было бы здѣсь доказывать, что южно-русскій народъ — не Поляки; что присоединеніе Червоной Руси и Волыни къ Польшѣ совершилось съ кровопролитіями; что народъ южно-русскій всегда исповѣдывалъ одну вѣру съ велико-русскимъ и вовсе не стремился добровольно къ уни, а отбивался отъ нея упорно и отчаянно; что, наконецъ, названіе Русскихъ не навязано Великороссіянамъ Екатериною II, а издревле было для нихъ народнымъ отечественнымъ прозваніемъ; что названіе Московія, правильнѣе — Московщины, могло употребляться только по отношенію къ другимъ этнографическимъ отдѣламъ русскаго міра, а національнымъ названіемъ никогда не было; что иностранцы, называвшіе Южную Русь — Руссіей, а сѣверную — Московіей, намъ не указъ, ибо еще въ XII вѣкѣ митрополиты наши титуловались митрополитами *всей Русіи*, разумѣя подъ этимъ весь кругъ Русскихъ Земель, связанныхъ единствомъ княжескаго рода и церковнаго управленія.

Доказывать всего этого не станемъ, какъ равно и опровергать голословныхъ неглупостей (!); но скажемъ польскимъ *такъ-называемымъ*

(¹) Кроме вышеприведенныхъ, укажемъ еще на повторяемыя авторомъ басни: что «лѣтѣи Лехъ, по племни Симеонъ, въ X вѣкѣ (!), положилъ начало польскимъ козакамъ, т. е. Запорожцамъ;» что «Запорожцы направились между Поляками съ береговъ Вислы, или — что выходитъ на-одно — между Русскими съ Днѣпра и Днѣстра», и т. п. (Тамъ же, стр. 619).

патріотамъ вотъ-что: неужели вы думаете, что извращеніемъ правды можно выиграть въ какомъ бы то ни было вопросѣ? У насъ, которыхъ вы считаете тождественными съ собою, есть пословица (на своемъ, а не на вашемъ, языкѣ): *брехнёю свѣтъ прѣидешъ, та назадъ не вѣрнесся!* Если бы вы и нашли по себѣ въ Европѣ читателей, которые повѣрятъ вамъ на слово, то все-таки это оболъщаніе не будетъ продолжительно. Пешытавъ, что вы способны, для своихъ цѣлей, провозвѣщать умышленную неправду, Европа не станетъ вамъ вѣрить уже ни въ чемъ и вы разыграете роль пастуха въ баснѣ, который ради шутки склнкалъ народъ на волковъ, когда въ самомъ дѣлѣ волковъ не было, а впоследствии никого не могъ призвать себѣ на помощь, когда волки дѣйствительно напали на стадо. И что вы думаете выиграть, утверждая, что великорусскій народъ уральскаго происхожденія? Этимъ не выкинете его изъ Славянской семьи, откуда бы ни происходили его предки. Будутъ ли Великоруссы — ославянившіеся Уральцы, или съѣсъ племенъ, или — что всего вѣрнѣе — Славянское племя съ примѣсью чудскаго и тюркскаго, они все-таки останутся тѣмъ, чѣмъ они теперь, т. е. Славянами, потому что говорятъ нарѣчіемъ славянскаго корня и никакъ не могутъ быть тѣмъ, чѣмъ, по вашимъ предположеніямъ, были въ незапамятныя времена. Или, быть можетъ, вы хотите унизить этимъ Великороссіянъ? Но однимъ такимъ побужденіемъ вы показываете крайнюю собственную односторонность и неспособность — выступить изъ тѣсной національной исключительности въ кругъ болѣе широкихъ, возвышенныхъ, общечеловѣческихъ понятій. Какъ отдѣльнаго человѣка нельзя унижать происхожденіемъ, такъ и цѣлаго народа. — Вопросъ о томъ, какую связь имѣетъ великорусская народность съ уральскимъ племенемъ и какія стихіи вошли въ нее изъ послѣдняго, долженъ разсматриваться совершенно отдѣльно отъ всякихъ вашихъ предразсудочныхъ воззрѣній, ибо онъ не имѣетъ къ нимъ отношенія.... Доказывать, что Великороссіяне должны называть себя не Русскими, а Московитянами, на томъ основаніи, что вамъ такъ хочется, все равно, что требовать, чтобъ Итальянцы называли себя Влохами, потому что на польскомъ языкѣ они такъ называются, или если бы Французы начали помогать, чтобъ Нѣмцы себя называли Аялеманами. Мы просимъ васъ — представьте намъ доказательства, что великороссійскій народъ не называлъ себя Русскими, а Московитянами, и что Екатерина II принудила его принять новое имя. Любопытно было бы выслушать такія доказательства. Но, къ сожалѣнію, мы напередъ увѣрены, что у васъ не найдется такого смѣльчака: подобныя поло-

женія легко писать изъ собственной фантази, а фактически доказать нечѣмъ. —

Провозгласивъ тождество : ольскаго и южнорускаго народа, будеть уже послѣдовательно — дать Богдану Залѣсскому значеніе Украинскаго поэта и увѣрять, что его читають и любятъ народъ русскій. На самомъ дѣлѣ—не то. Богданъ Залѣскій есть поэтъ Поляковъ, живущихъ въ Украинѣ, читается польскимъ населеніемъ, состоящимъ почти исключительно изъ дворянства, и отнюдь не можетъ возбуждать сочувствія въ томъ, кто сохраняетъ въ душѣ своей стихіи южнорусской народности, взлѣляющей историческими воспоминаніями и тѣсною связью съ существующимъ поколѣніемъ народа. Его польскій патриотизмъ, который насильственно привязывается къ Украинѣ, далекъ отъ того, чтобъ возбудить симпатію южнорусса; напротивъ, онъ дѣлается для него несносенъ именно тѣмъ, что обличаетъ намѣреніе провести затаенную мысль, — внушая увѣренность въ томъ, что бѣлое — черно, а черное — бѣло! Мы не отрицаемъ поэтическаго таланта Богдана Залѣскаго, хотя вообще нельзя не признать, что онъ больше щеголяетъ блестящею фразеологіей и яркостью красокъ, чѣмъ глубиною мысли, теплотою чувства и внутреннимъ изяществомъ склада своихъ образовъ, но ужь никакъ не можемъ видѣть въ немъ сколько-нибудь украинскаго народнаго поэта. Онъ любитъ украинскую природу, живописуетъ ее подробно, но рѣдко удается ему стать на точку созерцанія, присущаго Южноруссу; онъ любитъ народныя пѣсни, подражаетъ имъ, нерѣдко цѣликомъ переводить ихъ, но не продолжаетъ ихъ бытія своимъ творчествомъ, что можно сказать о Шевченкѣ, у котораго рѣдко (только въ слабѣйшихъ произведеніяхъ) можно найти повтореніе взятаго изъ запаса народной поэзіи, или что-нибудь написанное, какъ говорится, въ народномъ тонѣ; но у котораго лучшія стихотворенія таковы, что народъ, развивая свое творчество въ поэтическихъ созданіяхъ далѣе, могъ бы творить только такъ, какъ Шевченко.

У Залѣскаго нѣтъ ничего подобнаго. Весьма немногіе изъ южноруссовъ знаютъ его, и не только не считаютъ его народнымъ поэтомъ, но даже такимъ, который бы возбуждалъ къ себѣ сочувствіе любовью къ украинской народности. Его знаютъ только тѣ, кто знакомъ съ польскою литературою, и знаютъ какъ польскаго поэта, чуждаго намъ, и болѣе чуждаго, чѣмъ, напримѣръ, Мицкевичъ. Послѣдній, — великій творецъ и художникъ, — касаясь бѣлорусской народности, близкой и родственной съ южнорусскою, въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ несравненно спо-

событіе Загѣскаго напомнить южнорусскому сердцу его жизнь и возбудить въ немъ сочувствіе. Да и вообще польская народность имѣть съ южнорусскою большое сходство; польская поэзія можетъ отозваться родственно душѣ Южнорусса, но ужь шккакъ не съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ заходятъ Поляки. Стараіе представить въ свѣтломъ видѣ такія историческія воспоминанія, какъ напримѣръ Унія, которыя Южноруссамъ ненавистны отъ предковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прельщать ихъ идеаломъ отдѣльнаго, въ соединеніи съ Поляками, государства, — такіе приемы поведуть единственно къ тому, что древняя несчастная неприязнь наша къ Полякамъ будетъ находить себѣ пищу, — чего мы отнюдь не хотимъ и не хотѣли. Для насъ ничего не можетъ быть желаніемъ изгнанія изъ сердца старинныхъ печальныхъ воспоминаній, утвержденія братской любви и духовнаго согласія съ Поляками; но пусть же они возлюбятъ и *уразумѣютъ историческую истину*: только *истина* содѣлаетъ ихъ *свободными*, — свободными отъ всякихъ искусственныхъ передѣлокъ и поддѣлокъ историческихъ событій: отъ оправданія Уніи, отъ восхваленія былого господства своихъ началъ надъ нашимъ народомъ и отъ ребяческихъ замашекъ забрасывать международную вражду, въ надеждѣ разложить наше Русское отечество... Не разложилось оно политически въ междоусобицахъ земель и князей, не разложилось оно духовно подъ татарскимъ, литовскимъ и польскимъ владычествомъ, — не разложится оно и отъ выстрѣловъ ультрамонтанскихъ газетъ и журналовъ, задаваемыхъ намъ изъ-за такихъ плохихъ *зуляи-городинъ*. Исторія, очевидно, ведетъ къ сближенію, къ сознательному средству и соединенію всѣхъ славянскихъ племенъ, а никакъ не къ разложенію. Кто противъ Исторіи, противъ того — Исторія. Противъ такого рожна трудно прати.

Н. К о с т о м а р о в ъ.

14 января, 1864 г.